

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Фридрих
НИЦШЕ

*Песни
Заратустры*

Москва

2017

УДК 821.112.2-1
ББК 84(4Гем)-5
Н70

Перевод с немецкого

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Ницше, Фридрих.

Н70 Песни Заратустры : [перевод с немецкого]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 224 с. — (Всемирная литература).

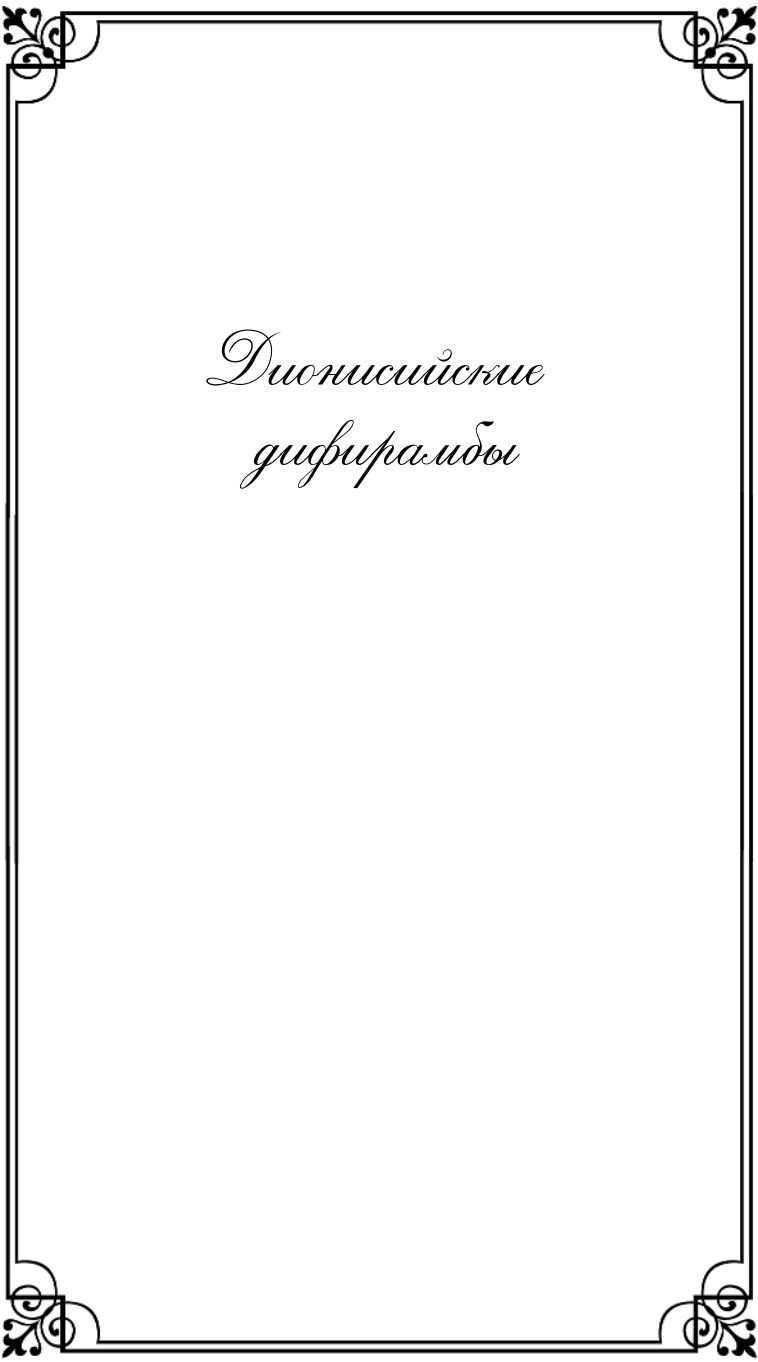
ISBN 978-5-699-97044-5

Другая сторона творчества великого немецкого философа Фридриха Ницше — стихотворения и песни, посвященные Заратустре, поэзия глазами философа, соединение истории, мифа и современности. Философская идея, облеченная в поэтическую форму, создает собственную оригинальную мифологию, наполненную драматическими притчами, ироничными афоризмами и полемикой с другими поэтами.

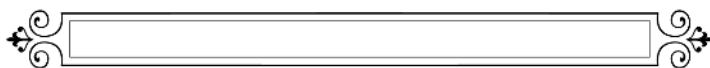
УДК 821.112.2-1
ББК 84(4Гем)-5

© Топоров В., перевод на русский язык. Наследники, 2017
© Парин А., перевод на русский язык, 2017
© Знаменская И., перевод на русский язык, 2017
© Голь Н., перевод на русский язык, 2017
© Степанов С., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-97044-5

*Дионисийские
дифирамбы*

ГЛУПЕЦ! ПИИТА!

В часы, когда убывает свет,
когда роса утешеньем
расстилается по земле,
невидима и ступая неслышно —
ибо обута в мягкое,
как все поспешающие с утешеньем, —
вспоминаешь ли ты тогда, вспоминаешь ли,
раскаленное сердце,
как встарь ты стремилось
к слезам и росам Небесным,
устало и исступленно,
покуда на желтых осенних тропах
злые взоры вечернего солнца
сквозь черные ветви деревьев к тебе
спускались, слепящие и смертоносные?

«Взыскующий истины — ты? —

Насмешники!

Всего лишь пиита!
Зверь, хитрый, хищный, крадущийся,
на ложь обреченный,
на заведомую неизбывную ложь,
добычи алчущий,
личину носящий,
с личиной сроднившийся,
добычею ставший,
не это ли значит —

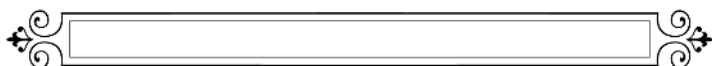
от бездны, от *собственной* бездны...
— О, как они вглядываются,
допытываются, впиваются,
упиваются глубочайшей глубиою!
И вдруг,
сразу,
стрелой,
стремглав,
обрушиваются на овечек,
горячие, алчные,
овечек алчущие,
овечинки-человечинки алчущие,
увечной добросердечной овечинки,
благостной, беззащитной и безотказной,
исполненной подневольного благоволения...

Следовательно,
орлоподобны, пантерообразны
страсти, владеющие тобою,
твои страсти под тысячею личин,
глупец! Пиита!

Тебе, углядевшему в человеке
божественную овечку,
суждено *разодрать* в человеке Бога,
как разодрал в нем овечку,
и, раздирая, *рассохотаться* —
вот в чем, вот в чем твоя благость,
орла благость, пантеры благость,
глупца благость, пииты благость!..

В часы, когда убывает свет,
когда, завистливо зеленея, серп месяца
взрезает пурпурную высь
и крадется в ночь, —

возненавидев день,
на каждом шагу украдкой
срезая своим серпом
стебли роз, чтоб поникли,
чтобы во тьму поникли, —
так я поник и сам:
из безумия истины,
из ежедневных желаний,
устав, заболев от света,
выпал
вниз, в вечер, в страну теней.
Единою Истиной
опаленный и алчущий, —
вспоминаешь ли ты, вспоминаешь ли ты,
раскаленное сердце,
свою тогдашнюю жажду? —
*не ведать впредь никакой
Истины!
Быть глупцом! быть ништой!*

ПОСРЕДИ ДЩЕРЕЙ ПУСТЫНИ

1

— Не уходи, — молвил странник, назвавший себя Заратустровой тенью, — останься, не то нас опять одолеет прежняя скорбь, и глухая.

Уже не пенял нам то старый кудесник, уже нас нахваливал, и погляди-ка, у доброго честного попаика слезы сверкнули в глазах, и заскользил он опять всей душою в пучину печали.

Этим царям делать нынче хорошую мину вольно, но, не будь здесь свидетелей, биться готов об заклад, зло своею игрой и над ними бы возобладало:

зло своею игрой тяжких туч, влажной скорби, туманного неба, пропавшего солнца, глухого осеннего ветра,

зло своею игрой нашим плачем и нашей нуждой: оставайся у нас, Заратустра! Здесь хватит сокрытых несчастий, стремящихся к слову, здесь вечера хватит, и туч, и немного пространства!

Ты напитал нас могучею пищей мужчины и сочною речью: ужели позволишь на сладкое жертвенным женственным призракам нас одолеть!

Ты, только ты сделал воздух вокруг тебя сильным и ясным! Где будет дышаться мне так хорошо, как с тобою в пещере?

Многие страны я видел и воздухом всяким дышал и умел различать его: только с тобою попал я на пир обонянья!

Разве что... разве что... Но да прости мне и память об этом! Прости мне ту старую сладкую песнь, что сложил я когда-то меж дочерей пустыни.

Ибо и там мне дышалось светло и свежо на заре азиатской; там был я безмерно далек от печальной, подернутой влажными тучами, старой Европы!

Любы мне были тогда азиатские девы и прочее небесно-синее царство, которое не застилало ни тучи, ни мысли.

Вам не поверить, как статно они восседали, когда не плясали, — глубокие, но без раздумий, — как малые тайны, как скрытые в чреслах загадки, как сладкое блюдо, орешки, — пёстро и чуждо воистину! но не под тяжестью туч: как загадки, посиленные сердцу, и этим-то девам в угоду сложил я мой сладкий псалом!

Так молвил странник, назвавший себя Заратустрой тенью, и прежде чем кто-нибудь что-то на это ответил, арфу схватил он кудесника старого, ноги скрестил и взглянул отрешенно и мудро вокруг, — но ноздрями он втягивал воздух, медленно и испытующе — так, словно пробовал новое блюдо. И наконец он запел, если это рычание — песнь.

2

Не прячь пустыню, ведь она растёт...

3

Ах!..

Торжественно!..

Достойная встреча!

По-африкански торжественная!

Достойная льва
или рыкающего нравоучениями бабуина.
— Лишь ничего не достается вам,
дражайшие сударыни,
у ног которых было дозволено
мне, европейцу под сенью пальм,
посиживать. Вот такие дела.

Воистину волшебство!
Сижу я ныне
возле самой пустыни, но
вдали от любой пустыни,
вопустынясь в ничтожестве:
дав себя проглотить
оазису здешнему, —
крошечный, как он призывно
зевает
благоуханнейшим своим ртом, —
как тут не рухнуть,
не пасть, не прорваться,
не оторваться от вас,
дражайшие сударыни. Вот такие дела.

Слава, слава сему Киту,
о благоденствии помышляющему
и гостя здешнего. Вам
внятен ли мой намек?..
Слава его чреву,
будь оно
благословенным оазисом вроде
вашего, в чем я отнюдь не уверен.
Лишь для этого я и покинул Европу,
вызывающую подозрения
большие, чем любая замужняя баба.
Да поможет ей Бог! Аминь!

Сижу я ныне,
попав в здешний оазис,
подобен плоду пальмы —
бурому, сладкому, в золотых крапинках,
алчущему круглых девичьих уст,
но алчущему куда сильнее
девичьих ледяных белоснежных острых
зубов — по которым вечно
тоскует сердце плодов горячих.

Вот такие дела.

Подобно этим южным плодам,
подобно, слишком подобно,
лежу я здесь, окруженный
игрою и пляской
маленьких крылатых жуков,
окруженный в не меньшей мере
злой и безумной
игрою страстей и желаний, —
окруженный вами,
немые провидицы,
девы-кошки
Дуду и Зулейка,
окруженный сфинксами, если уж оплощать
столько чувств в единое слово
(да простит мне Господь
это косноязычье!..),
сижу здесь, вдыхая
воздух воистину райский,
легкий, светлый и золотой,
какой иногда нисходит
разве что с самой луны —
то ли случайно,
то ли из милости,

как уверяют нас древние поэты,
хоть я, во всем сомневающийся,
подвергаю и это сомнению.
Лишь для этого я и покинул Европу,
вызывающую подозрения
большие, чем любая замужняя баба.
Да поможет ей Бог! Аминь!

Вдыхая этот чудесный воздух
ноздрями, наполнившимися, как кубки,
не ведая ни прошлого, ни грядущего,
сiju я здесь,
дражайшие сударыни,
и гляжу на пальму,
которая, как плясунья,
клонится, стелется и качает бедрами, —
так что поневоле начинаешь ей вторить...
Как плясунья, которая, как мне кажется,
слишком долго, устрашающе долго
удерживается на одной ноге...
Уж не забыла ль она, как мне кажется,
про вторую ногу?
Но по меньшей мере напрасно
искал я потерянную
напарницу —
то есть вторую ногу —
в священной близости
наипрекрасной, изящнейшей
веероподобной, оваянной ветром юбки.
Да, уж поверьте мне,
дражайшие сударыни,
она ее *потеряла*.
О-го-го! о-го-го!
Потеряла,